

ЕЁ ЗОВУТ ЁЛКОЙ

— А я знаю. Ты и есть Александры Федоровны внук.

— Откуда знаешь?

— Похож. Ой, до чего ж похож! Правда! А чего ты раньше никогда не приезжал сюда?

Всего что угодно мог ожидать Лёнька, но только не этого. Говорили, что он похож на отца. Это верно, пожалуй. Ну на мать. Может быть. Частично. Но чтобы он, мальчишка, был похож на бабушку! Это невероятно. Лёнька даже покраснел.

— А чего, я спрашиваю, не приезжал раньше? — не унималась она.

Почему он не приезжал сюда раньше? Как ей сказать! Может, это и нехорошо, что он никогда не бывал здесь, у бабушки. Но как-то все было просто, и он не приезжал. В пионерские лагеря ездил. На смену и на две. А в прошлом году и на три. А раньше?.. Раньше Лёнька в детском саду был. Смешно, наверно? Наверно... С детским садом и ездил за город... Только этого он почти не помнил...

— Бабушка каждый год у нас гостила. Потому и не приезжал, — пробормотал Лёнька. А про себя подумал: «Ну и девчонка!..»

Это было в предпредвоенном тридцать девятом, когда Лёнька впервые попал в Серёжки. Они встретились в магазине сельпо, куда Лёнька ходил за солью.

Её звали Ёлкой. Иногда ласково — Ёлочкой. Но так Лёнька не решался.

В Москве он был парень как парень, а тут перед ней пасовал. Когда два года назад на спор с крыши трехэтажного дома спрыгнул — не боялся. Ногу сломал, пяточную кость, — терпел. Прежде в школе (во втором классе, кажется, учился) на перилах катался, упал в пролет лестницы, все зубы вышиб — молчал, не хныкал. А совсем давно, до школы еще, залез в колючую проволоку. Отцу пришлось разрезать ее ножницами, чтобы вынуть Лёньку, а он и глазом не повёл. Сжал зубы, а потом даже хвалился. Учителей в школе или старших ребят Лёнька никогда не боялся. А тут...

Ёлка, Ёлочка, Ёлка-палка. Смешно, наверно? Наверно...

— А почему тебя так зовут — Ёлка? — спросил как-то он.

Вообще-то неожиданных имен в те годы было немало. Индустрия, например, Электрификация, Вил, Рабкрин, Сталина, Коллективизация...

У Лёньки в классе даже один Проля был, а полностью — Пролетарская Революция. Когда вырастет, Пролетарская Революция Петрович будет!

Но Ёлки он никогда не встречал.

— А Серёжки — разве не смешно? — выпалила она. — Почему наша деревня Серёжками называется? Вот и не знаешь!

Лёнька опешил: он не знал.

И откуда ему было знать! Он и название-то «Серёжки» вроде не слышал. Знал, что бабушка живет где-то в деревне, что рядом есть речка. Нара называется. А Серёжки...

Вот, например, все испанские города и провинции, где шла борьба республиканцев с франкистами — Мадрид, Толедо, Валенсия, Гвадалахара, Астурия, Каталония, — он знал. Всех героев-пограничников, начиная с Карацупы, знал. И всех стахановцев и летчиков, совершивших дальние беспосадочные перелеты на Дальний Восток и в Америку, не говоря уже о челюскинцах и папанинцах. Не только по фамилии, но и по имени-отчеству. Футболистов «Торпедо», «Спартака» — тоже. Даже там разных иностранных представителей в Лиге наций. Все высоты у озера Хасан: Безымянная, Черная, Богомольная, Заозерная, Пулеметная Горка, Междорожная...

Знал, наверно, потому, что любил читать газеты — взрослые, не только «Пионерскую правду».

А что Серёжки! Про Серёжки в газетах не писали. И бабушке в Серёжки ему писем писать не приходилось.

Летом бабушка, верно, иногда гостила у них в Москве, а порой и зимой, к Рождеству, а точнее — к Новому году, приезжала!

— Думаешь, из-за березкиных сережек? — продолжала Ёлка. — Вот и нет, хотя и много у нас берез вокруг. Просто помещик у нас тут жил один, в нашей школе, только до революции это было. Так, говорят, чудаковатый... Всех детей своих Серёжками называл. А у него одни мальчишки и нарождались. Шесть детей, и все мальчишки! Вот и повелось — Серёжки!.. Так папа мне объяснял. И мама. Вот!

— Интересно! — не выдержал Лёнька, в самом деле пораженный неожиданным открытием.

Но подумал о другом. «Папа», «мама». Это смешно! Ёлке тринадцать лет, не маленькая уже, а говорит как маленькая. Лёнька никогда бы так не мог сказать: «мама», «папа». Ну, уж лучше: «мам», «пап»... Или «мать», «отец», когда говоришь о родителях с ребятами.

И все же почему она, приземистая, коренастая, не похожая ни на ёлку, ни на палку (уж скорей Лёнька был в ее глазах палкой), зовется Ёлкой, не понял.

Лёнька был почти на голову выше Ёлки. Но оказалось, что это ничего не значит. Он робел перед ней, краснел, как перед старшей. Куда делась московская самоуверенность? Наверно, потому, что она болтала без умолку? И спорила? И знала больше него? А ведь была одноклассница и, уж если говорить о возрасте, на два месяца моложе Лёньки.

— А, Ёлка? — Она улыбнулась, и ее длинные выгоревшие ресницы зашевелились, как мохнатые гусеницы. — Мама когда-то так назвала. Она русская у меня... Так и повелось — Ёлка! Все привыкли...

— Почему русская? — не понял Лёнька. — А какая же еще?

— Папа у меня эстонец. Только обрусевший, — пояснила Ёлка. — Хочешь, Анкой зови или Аней. Так тоже можно. Только на самом деле меня Эндой зовут, через «э» обратное. Это по-русски значит «своя»... Вот!

Лёньке казалось, что она обыкновенная деревенская девчонка. Ходит босиком. Лицо с веснушками. Выгоревшие волосы и куцые косы. Даже глаза круглые, большие и, сразу видно, не голубые, не серые, не карие, а выгоревшие, бледные. И полинявшее

платъице выше колен, не такое, какие носили городские девчонки. И вдруг... папа — эстонец. Энда — «своя».

— Значит, ты иностранка? — Лёнька вовсе удивился.

Живых иностранцев ему видеть не случилось. Если не считать испанцев, да и то детей, которые приходили к ним в школу на пионерский сбор. Их было много в ту пору в Москве. Но испанцы почти не понимали по-русски, а Лёнька, как и все ребята, понимал из их слов лишь одно: «Но пасаран! — Они не пройдут!» Это про фашистов, конечно...

— Какая же я иностранка, когда я языка эстонского не знаю и в Эстонии не была! — сказала Ёлка. — Знаю «тере», и все! «Здравствуйте», значит. Вот...

Ёлка, Ёлочка, Анка, Энда, «своя»... Всех этих премудростей Лёнька сразу уразуметь не мог. В тринадцать лет да рядом с такой девчонкой — сложно.

— Я буду лучше звать тебя просто Ёлкой, — пробормотал он. — Ладно?

— А мне-то что! — весело сказала она. — Как удобнее, так и зови. — И тут же добавила: — В кино пойдешь со мной? «Семеро смелых». В клубе вечером крутят...

— Конечно. Почему не пойду!

— Так давай я за билетами сбегаю! А то, пока мы тут разговоры разговариваем, билеты пропустишь!

Потом, в то же лето, Лёнька, кажется, понял, почему она Ёлка. В самом деле, колюча, ершиста, как ёлка. Что ни слово ей — в штыки, ехидничает или смеется. Лёнька сникал перед ней.

Он приехал в подмосковную деревню Серёжки. Приехал на лето к бабушке, хотя мечтал совсем о другом — о пионерском лагере.

Впрочем, что там приехал! Лёньку привезла в деревню мать, обеспокоенная состоянием его здоровья после воспаления легких. Правда, она до последнего дня говорила: «Ты знаешь, путевки в лагерь мне пока достать не удалось. И все же, может быть...» Но Лёнька знал, что дело вовсе не в этой путевке, а как раз в воспалении...

После воспаления легких Лёнька, правда, был тощ как жердь, — таких жердей можно найти великое множество и в самой деревне возле изб и за ее пределами: у скотного двора, конюшни и огородов. Лёнька был, наконец, бледен, как вода в Наре, где ему на первых порах запрещалось купаться.

— Ты уж на реку-то не ходи, Лёнек, — просила бабушка. — А то я маме твоей слово дала.

Это Лёнька и сам знал.

— Купаться ты будешь не раньше середины июля, когда вода в реке окончательно прогреется, — наставляла его мать. — И очень прошу тебя не спорить со мной! Иначе я скажу папе. Мы с ним все продумали, все учли...

Родители, видимо, все продумали, все учли. Кроме одного: купаться Лёнька мог и так, не обязательно на глазах у бабушки.

Ну что ж, пусть он не попал в пионерский лагерь, как поначалу хотел, все равно. Деревня так деревня. Серёжки. Пусть Серёжки. Есть что-то и поважнее деревни и лагеря.

Лагерь лагерем, а экзамены? Экзамены не шутка! Воспаление легких накануне экзаменов — что может быть удачнее!

В шестой класс Лёньку перевели без экзаменов как раз благодаря воспалению легких. Все одноклассники завидовали ему. Еще бы! На экзаменах многие схватывали куда худшие отметки, чем четвертные. А Лёньке именно по ним, четвертным, выставили годовые. И все! Три «посредственно» (их называли ласково — «посики»), остальные — «хорошо» и «отлично». И хотя отличные оценки у Лёньки были только по физкультуре и поведению (по поведению ниже отметок вообще никому не ставили, даже самым отъявленным лоботрясам, загремевшим на второй год), все равно это были реальные «отлично». Лёнька ликовал!

Но отцу об этом не скажешь. Матери — тем более.

Лёнька похвастался перед Ёлкой. В тот же день, когда познакомился с ней в магазине.

Ёлка почему-то отнеслась к его сообщению о школьных успехах довольно спокойно.

— Подумаешь! Похвальбушка! У меня тоже два «посика». Только я не болела и сдавала экзамены, как все...

...То ли из-за этой Ёлки, то ли еще почему, но деревня Лёньке окончательно разонравилась. Впрочем, ему и раньше-то никогда деревни не нравились. Так ему казалось, хотя он в деревнях и не бывал никогда...

Ну что тут, в этих Серёжках? С утра выйдешь на улицу — уже нет никого. Одни малыши голопузые в песке копаются. Тихо, хоть караул кричи. Ни людей, ни машин, ни гудков, ни голосов...

Другое дело — в Москве. Там...

Что там, Лёнька не мог и самому себе передать, но там — это там... Вот хотя бы кино. Иди куда хочешь,

выбирай любую картину! А что? В самом деле так: ведь в Москве кинотеатров пятьдесят, не меньше. Или во дворе... Сколько в каждом дворе ребят собирается! Хочешь — в футбол сыграй, хочешь — по чердакам лазай, как по джунглям каким, или по крышам, а надоело — пошел купил мороженое... На каждом углу, пожалуйста!

— Природа у нас красивая, Лёнок! — говорит бабушка. — Раздолье тебе!

Природа — может быть. Но что Лёнке и природа эта, и раздолье, когда вокруг так тихо и деревня какая-то глухая!.. В Москве он никогда не знал, что такое скука, а здесь, пожалуй, заскучаешь. Правда, речка есть тут. Но и в Москве купаться можно. Ездили они с ребятами в Щукино на канал, к Тимирязевке на пруды ходили. Купайся сколько хочешь!

А радио? В Москве Лёнка привык к нему настолько, что и не слушал. А здесь сразу заметил: чего-то не хватает. Понял: радио нет. И газет. Дома отец выписывал «Правду» и «Вечерку», не считая «Пионерки»...

Бабушке почтальон приносит одну маленькую газетку. «Маяк» называется. Но в ней ничего нет. Ни про какие события. Только про такую-то бригаду, и еще про такую, и еще... Кто сколько чего собрал, кто как подготовился к пахоте, к уборке, к сенокосу, как идет прополка...

Лёнка каждый день просматривает этот самый «Маяк», но интересного в нем мало. Он жил мировыми категориями, а тут ему — как идет прополка...

— Ну что, правда хорошо у нас? — спросила Ёлка.

— Ничего... Так себе... — не особенно лукавя, ответил Лёнка.

— А ты знаешь, что наш колхоз самый передовой в районе? Вот и не знаешь! — воскликнула Ёлка. — А то, что его выдвинули на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку, знаешь? Э-э! Ну откуда тебе знать! Ты же москвич!..

В кино они ходили трижды. На «Семеро смелых», «Трактористы» и на немой фильм «Праздник святого Йоргена».

Поначалу Лёньке неловко было ходить на глазах у всех с девчонкой.

Как-то он даже заикнулся:

— Может, ребят возьмем? Веселее!

У него уже были знакомые ребята в деревне.

— Если веселее, возьмем! Если меня боишься, обязательно возьмем! — отрезала Ёлка.

— Нет, почему же боюсь? Это я просто так, — попытался оправдаться Лёнька.

В клубе всегда было тесно. Да и клуб, впрочем, не походил на клуб: бывший помещичий каменный амбар рядом со школой, заставленный длинными скрипучими лавками.

Ёлке, кажется, нравилось, что на них все смотрели. А Лёнька прятал глаза, ерзал на месте и никак не мог дожждаться, когда в зале потушат свет.

Наконец начинался сеанс, и Лёнька, вероятно от долгого ожидания, почему-то принимался сопеть носом и чихать. Как назло, в самое неподходящее время у него появлялся приступ насморка.

— Будь здоров, — шептала Ёлка, поправляя на шее галстук.

И еще раз:

— Будь здоров!

Снова:

— Будь здоров!

И вот, как ему казалось, не без раздражения наконец спросила:

— Ты что, простудился? Будь здоров!

— Почему? Я всегда, между прочим, в кино чи-хаю. И в Москве! — как можно убедительнее произнес Лёнька.

Возле избы Лёнька поймал ежа. Он спокойно топал почти рядом с крыльцом. Лёньке такого видеть еще не приходилось. Он, конечно, накрыл ежа. Куртку скинул и ею накрыл.

Ёжик оказался смирный. Не свертывался в клубок, не кололся, только фыркал чуть-чуть, будто чихал.

Лёньке очень хотелось похвалиться своей находкой. Но бабушки дома не было, и ребят на улице нет... Что делать?

Пустил ежа по полу в комнате. Вспомнил — молока налил в блюдечко, поставил перед ежом. Не пьет! Носом его в молоко окунул — фыркает, не пьет.

Опять взял ежа, вышел на улицу.

Ёлка тут как тут.

— Что это у тебя?

— Да вот, поймал! Сам, понимаешь! Он около крыльца, а я...

— Отпусти его! Сейчас же отпусти! — закричала Ёлка. — Что ты его мучаешь?..

Лёнька так растерялся, что сам не сообразил, как нагнул, выпустил из рук ежа, и тот сразу же, фыркнув, исчез в палисаднике.

— Скучно? — почему-то спросила Ёлка.

— А что скучно? Нет...

— Знаешь, у нас тоже дома целая семья ежиная жила, — вдруг сказала она. — Еж, ежиха и маленькие. Под крыльцом. Так папа, бывало, их всегда кормил. Они совсем ручные были. А раз он даже главному ежу самогону в блюдечко налил. Тот выпил, вот смеху было!.. А без папы и ежи пропали. То ли ушли куда, то ли что...

Лёнька хотел спросить: «Почему без папы? А куда он делся?» Но не спросил. Промолчал.

Да и Ёлка уже о чем-то другом заговорила.

Сегодня он пришел в клуб без Ёлки. Был концерт самодеятельности, и она убежала раньше, чтоб подготовиться.

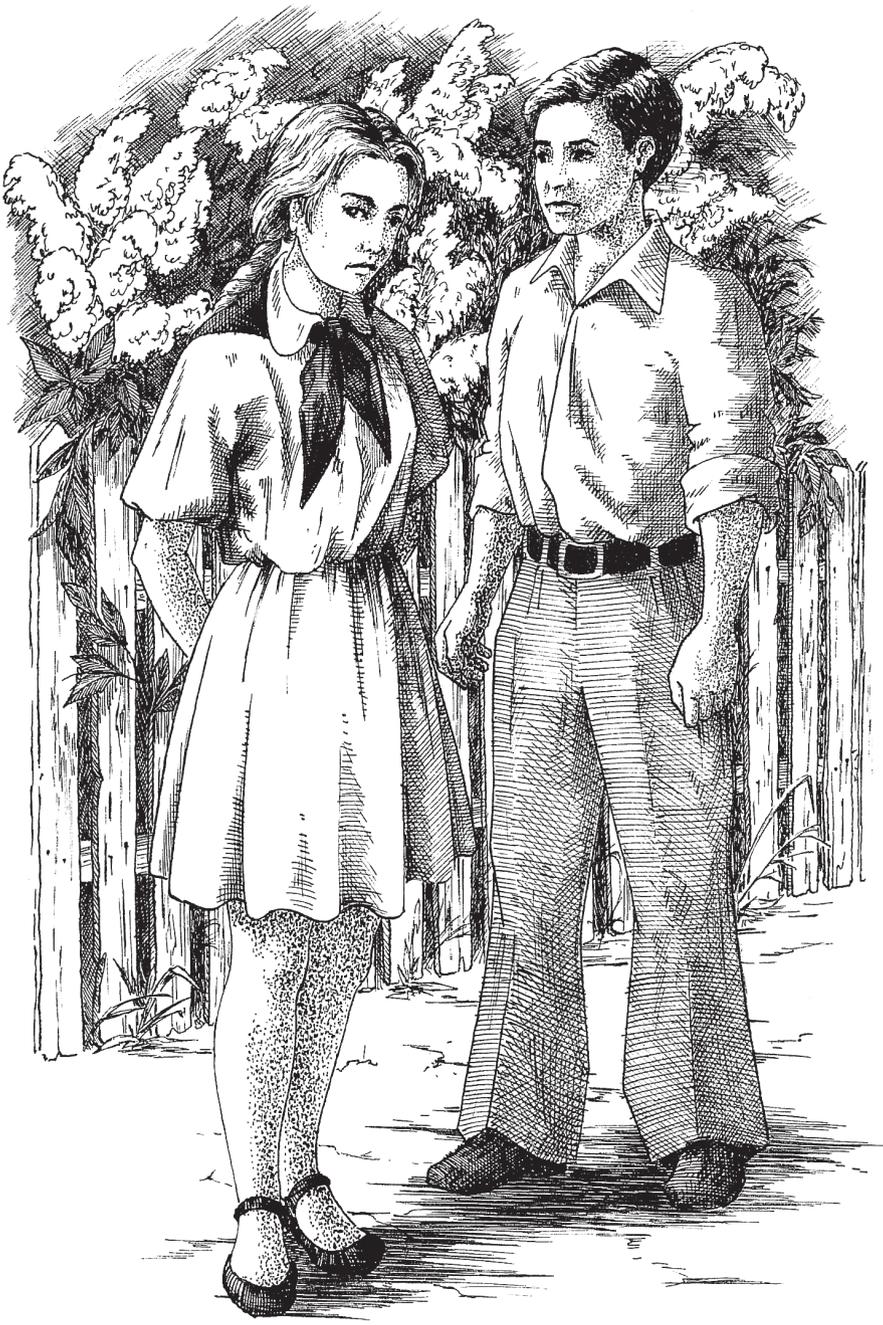
Оказывается, Ёлка пела. Ей подыгрывал гармонист.

Голос у Ёлки немного резкий, и все же ничего.

У лесной проталинки,
У ручья глубокого
Повстречала парня я
Синеокого.
С той поры, как встретимся,
Парень все смущается,
Говорить про трудодни
Принимается.
Ну а мне-то про любовь
Все услышать хочется.
Про дела знаю я:
Как-никак учетчица!..

Кажется, так пела Ёлка. Пела совсем по-взрослому, и песни все взрослые. Не то чтобы там «Крутыми тропинками в горы...».

А потом она танцевала. Под колхозный оркестр.

Весь оркестр — шесть человек, и все ребята. Трое играли на обыкновенных самодельных свистульках, один стучал деревянными ложками, еще балалайка и гармонь. И все одновременно пели, но куда хуже Ёлки.

Ёлка отплясывала «Барыню».

После концерта Лёнька возвращался вместе с ней. Через старый парк возле школы. Лёнька волей-неволей озирался по сторонам. Смотрят на них или нет? На деревьях всюду горланили галки. Кружились, заслоняя вечернее небо, и дико кричали. Но вокруг, на земле, вроде никого рядом не было.

— А ты правда не боишься со мной ходить? — вдруг спросила Ёлка.

— Почему я должен бояться? — смутился Лёнька.

— А потому, что у меня папа-то сидит. И из пионеров меня исключили. Вот!

— Как — сидит?

— Так и сидит, в тюрьме.

— За что?

— За картошку...

— Как — за картошку?!

— А я знаю? На суде говорили: за покушение на общественную собственность. А какое покушение, когда он картошку людям раздал? Мороз прихватил ее, а он и раздал... А ведь папа у меня в председателях ходил. Хозяином его все звали. Вот тебе и хозяин! Глупо, правда?

— Наверно, — согласился Лёнька.

Еще через минуту он вспомнил:

— А почему ты говоришь: из пионеров исключили? Ты же носишь галстук!